

УДК 811.161.1'42

DOI 10.32999/ksu2413-3337/2019-36-39

СООТНОШЕНИЕ ЛИНГВОИМАГОЛОГИИ И МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Иванова Людмила Петровна,
доктор филологических наук, профессор,
профессор кафедры славянских языков
Национальный педагогический университет имени М. П. Драгоманова
Luhiv1303@gmail.com
orcid.org/0000-0003-1376-8214

В докладе на материале романа Ю. Н. Тынянова «Смерть Вазир-Мухтара», посвященного последним годам жизни и трагической гибели писателя-дипломата А. С. Грибоедова, а также личных впечатлений автора рассматривается роль лингвоимагологического анализа для теории и практики адекватной межкультурной коммуникации.

Ключевые слова: межкультурная коммуникация, лингвоимагология, А. С. Грибоедов, Ю. Н. Тынянов, Вазир-Мухтар, Иран.

RELATIONSHIP BETWEEN LINGVISTIC IMAGOLGY AND INTERCULTURAL COMMUNICATION

Ivanova Lyudmila Petrovna,
Doctor of Philological Sciences, Full Professor,
Professor at the Department of Slavic Languages
National Pedagogical Dragomanov University
Luhiv1303@gmail.com
orcid.org/0000-0003-1376-8214

Intercultural communication as a branch of modern linguistics (communication theory), academic discipline and the practice of human communication occupies significant position both in theoretical and practical terms. Experience shows that adequate linguistic imagology can facilitate intercultural communication more adequately. Linguistic imagology is the direction of linguistics that explores the linguistic embodiment of (lingvistic) image of a nation or country in the minds of another nation. The main category of linguistic imagology is assessment, since knowledge without assessment is impossible. In the process of studying another nation or country, a researcher perceives them through the prism of their culture and language.

In the report on the material of Yu. M. Tinyanov's novel "Death of Vazir-Mukhtar", dedicated to the last years of life and the tragic death of the writer-diplomat O. S. Gribojedov, as well as personal impressions of the author, the role of linguistic imagological analysis in the theory and practice of adequate intercultural communication is considered.

It has been stated that linguistic and imagological analysis allows to recreate the image of another nation and country in a certain period of time, since nothing leaves the national consciousness without a trace. The image of past eras can serve both as a warning and as a basis for modern intercultural communication. And while investigating foreign cultures a researcher must be tolerant and attentive.

Key words: intercultural communication, lingvistic imagology, O. S. Gribojedov, Yu. M. Tinyanov, Vazir-Mukhtar, Iran.

Межкультурная коммуникация как ответвление современной лингвистики (теория коммуникации), учебная дисциплина и практика человеческого общения занимает все более значительные позиции как в теоретическом, так и практическом плане.

Теории и практике межкультурной коммуникации посвящены известные труды С.Г. Тер-Минасовой, Л.И. Гришаевой, В.А. Масловой, В.Е. Болдырева, А. Вержбицкой, А.П. Садохина и многих других. Указанная проблематика широко обсуждается на научных конференциях разного уровня.

Опыт показывает, что адекватную межкультурную коммуникацию в большей мере может обеспечить лингвоимагология.

Лингвоимагология – развиваемое нами направление языкознания, исследующее языковое воплощение (лингво-) образа (имидж) народа или страны в сознании другого народа.

Главная категория лингвоимагологии – оценка, поскольку познание без оценки невозможно. В процессе изучения другого народа или страны познающий воспринимает их сквозь призму своей культуры и языка. Не случайно С.Г. Тер-Минасова неоднократно

подчеркивала «очевидное-невероятное»: «Во-первых, мы все очень разные, мы видим, слышим, любим и ненавидим по-разному, у нас *разные представления, о мире и людях, разные системы ценностей, разные нормы поведения, то есть разные культуры*». (Выд. – С.Г. Тер-Минасова).

Во-вторых, мы все без исключения живем в счастливой уверенности, что только *наша культура единственно правильная, важная и нормальная. Именно это и называется научно-этноцентризм*. (Выд. – С.Г. Тер-Минасова). Отсюда и наша слепота, и соответственно, невидимость культурного барьера, и культурные конфликты, шоки, войны [2, с. 49].

Почти 200 годамиранее кн. Е.Р. Дашкова писала: «...непростительно грубо и несправедливо судить об одном народе по мерке другого» [1, с. 344].

С другой стороны, Н.А. Бердяев отмечал, что человек входит в человечество через национальную индивидуальность, формируется противопоставление свой/чужой. Таким образом выкристаллизуется важнейшая часть лингвоимагологического анализа – национально-культурная, являющаяся основой адекватной межкультурной коммуникации.

Материалом для лингвоимагологического исследования служат путевые заметки, дневники, письма путешественников, публицистика, художественная литература. Именно последняя в рассматриваемом аспекте представляет особый интерес, поскольку автор может описывать события и поступки людей носителей разных культур и языков. Герои могут недостаточно ориентироваться в чужих обычаях, традициях и нравах, что приводит к трагическим последствиям.

В качестве примера обратимся к роману известного историка и писателя Ю.Н. Тынянова «Смерть Вазир-Мухтара», посвященного последним годам жизни выдающегося писателя-дипломата А.С. Грибоедова. Вообще-то Вазир-Мухтар – имя нарицательное, оно обозначает должность, в романе оно становится именем собственным.

Мы обратимся к сцене, определившей главное событие романа, – трагическую гибель русского дипломата, что отражено в названии произведения.

А.С. Грибоедов въезжает в Тейрань, где ему как русскому посланнику была приготовлена пышная встреча.

Однако «Грибоедов загнал двух жеребцов и теперь ехал на приземистой казачьей лошадке. Только взглянув на темное облако, которое было с абразами, он вдруг заметил это. Российская держава въезжала в Тейрань на выносливом и низеньком Гнедке» [3, с. 335].

В микротексте дважды за счет уменьшительно-ласкательных суффиксов подчеркиваются размеры «лошадки» - «низенький».

Второй важнейший момент – олицетворение: «Российская держава въезжала». О том, что каждый представитель страны должен создавать о ней самое благоприятное впечатление, писала еще в XVIII в. кн. Е.Р. Дашкова, и это положение стало русской культурной традицией. Учитывая все это, А.С. Грибоедов поменял своего Гнедка на вороного карабахского жеребца, единственного бодрого коня в отряде.

Вазир-Мухтара встретило войско, дрессированный слон, глашатаи, музыканты-канатоходцы. «Черт их возьми с их царскими встречами. Это балаганы, масленичные, ни пройти, ни проехать» [3, с. 336] – русский дипломат резко порицает пестроту встречи и сравнивает с абсолютно русской реалией – «балаганы масленичные».

Неожиданно возникает какой-то непонятный звук: «И звук идет сквозь гул и крики, особенный звук, это не пехлеваны кричат, не глашатаи. Точно кто-то подвывает, тошнотворно и тонко. Что-то неладно: не задавили ли кого-нибудь?... Кто это там воет?»

Как человеческий ветер, качнулась толпа. Они бегут, шарахаясь, давя друг друга, сорвался какой-то плясун, сабразы роняют алемы, толпа замешалась. Они воют:

– Я Хуссейн! Ва Хуссейн!

Жеребец ступает медленно по вдруг открывшейся дороге.

Впереди кучка халатов: халаты все-таки ждут его. Едет к ним Грибоедов.

– Ва Хуссейн!

И передние, которые еще теснятся, закрывают лица руками.

– Я Хуссейн!

И вотнет ни одного человека на площади. Только впереди халаты–свитские. По пустой площади медленно едет Грибоедов.

– Ва Хуссейн! – кричат изудали, из передулков. И он не понимает, он оглядывается на своих. Белые пятна вместо лиц у них у всех.

Что произошло?

Убийца святого имама Хуссейна, сына Алиева, въехал некогда на *воронном коне* (курсив Ю.Н. Тынянова – Л.И.). Ибн-Саад было его проклятое имя. Близок черный месяц мухаррем, когда грудобойцы будут терзать грудь свою, проклиная Ибн-Саада и плача по имаме Хуссейне.

Вазир-Мухтар въехал на воронце коне (курсив Ю.Н. Тынянова) [3, с. 337].

В микротексте представлено столкновение двух культур, незнание и непонимание одной из них приводит к трагическим последствиям.

Уже упомянутая нами кн. Е.Р. Дашкова писала сыну: «Относительно религиозных мнений, где бы не соприкасался с ними, должен уважать их. Серьезное или шуточное опровержение их, каковы бы они ни были, оставляет по себе самое горькое и оскорби-

тельное впечатление на человеке и никогда не забывается» [1, с. 344].

Данное справедливое и на первый взгляд общеизвестное наблюдение остается актуальным и в наши дни. Вспомним карикатуры на пророка Мухаммеда во французской прессе, всколыхнувшие Европу.

Вернемся в XIX век.

Мы уже обращали внимание на скептическую оценку русского дипломата начала восточной войны. Затем тошнотворный тонкий вой (оценка очевидна). Неоднократно повторяется синекдоха- халаты. Дипломат в какой-то степени знаком с культурой Персии, о чем свидетельствуют экзотизмы «алемы», «сарбазы». Однако реакция толпы ему непонятна, как непонятна всем «своим». «Белые пятна вместо лиц», с одной стороны, свидетельствуют о сильной близорукости А.С. Грибоедова, с другой – о том, что ему не на кого опереться.

Автор-историк становится на точку зрения носителей персидской культуры: предпоследний абзац будто передает речь правоверного мусульманина, объясняющего все происходящее – ассоциации, вызванные вороным конем, на котором, как Ибн-Саад, въехал Вазир-Мухтар. Если в течение всего повествования говорится о Грибоедове, то заключительная сторона возвращает к названию романа – Вазир-Мухтар.

Обратим внимание на строение микро-текста. Во-первых, каждое новое движение и событие начинаются с новой строки, что постоянно активизирует внимание читателя. Во-вторых, четырежды восклицания, называющие имама Хуссейна – явный факт мусульманской культуры. В-третьих, чрезвычайно интересный синтаксис, призванный интриговать читателя: три вопросительных предложения, равномерно расположенные в тексте, простые неосложненные предложения, предложения начинаются присоединительным союзом и, создающим эффект цепного нанизывания, как в русских летописях.

Таким образом, недостаточное внимание к религиозному контексту Ирана привело к разрушению межкультурной коммуникации и последующей трагической гибели А.С. Грибоедова. Предостережение представлено последующим поколением в блестящей литературной форме Ю.Н. Тыняновым. Остается сожалеть о том, что современному читателю, особенно молодому, роман «Смерть Вазир-Мухтара» мало известен. Страшно себе представить, но такая же участь может постигнуть личность и творчество А.С. Грибоедова.

Следовательно, данные лингвоиматологических исследований могут обеспечить адекватную межкультурную коммуникацию.

Упомянутый роман оказался очень важным для меня лично. Запомнился он прежде всего

тем, что, по словам моего любимого профессора Л.М. Венгерова (к сожалению, письменных свидетельств обнаружить не удалось), в литературе было всего два произведения, содержащих информацию, которая получила документальное подтверждение только через много лет, одно из них – упомянутый роман. Ю. Н. Тынянов, писатель-историк, следовал логике развития характеров и событий и оказал прав, опередив свое время.

Когда я получила приглашение на II Международной форум Иранской ассоциации русского языка и литературы, колебаний не было. Форум состоялся 8-9 мая 2018 года в Тегеране, живущем в 1397 году. Была широкая интересная культурная программа, включающая сказочные Исфахан. Шираз, а также древнейший Персеполис.

Обратим внимание на то, что прежде всего бросается в глаза в аспекте международной коммуникации.

Задолго до начала конференции нас предупредили о необходимости покрывать голову платком и даже прислали фотографии, как эти платки можно повязывать. Без них нельзя находиться на улице. В общественных местах, даже с территории аэропорта нельзя выйти. Оказалось, что для женщин-ученых из 10 стран мира этот момент оказался самым сложным. Подчеркну, что иранцы не то что не смеялись над нами, но даже часто просили разрешения сфотографироваться, то есть они ценили наше стремление и усилили.

Вообще иранцы очень доброжелательны и улыбки.

Кн. Е.Р. Дашкова подчеркивала, что изучение чужой страны должно быть действительно и активно: «...сравнивая иностранную жизнь с жизнью своего отечества, стараясь исправить, что найдешь в нем дурного, учреждая, что сочтешь полезным его благосостоянию, ты будешь другом и благодетелем своей страны» [1, с. 344].

Чему нам стоит поучиться в Иране? Опишу впечатления от посещения гробницы Саади, о котором в «Евгении Онегине» упоминал А.С. Пушкин.

Мы пришли в этот комплекс в 21 час, когда там меньше людей. Изящную гробницу окружают ажурные металлические колонны, звучат стихи Саади. Гробницу окружает большой парк с красивыми деревьями, фонтанами, скамейками, на которых располагаются многочисленные семьи, но места хватает всем. На всей территории комплекса звучат стихи. Обстановка возвышенная. Было очень хорошо на душе: Саади–Пушкин, улыбки добродетельные иранцы – заинтересованные мы. Уходили мы в 22.30, на целый квартал стояла очередь желающих приобщиться к своему великому поэту, многие были с

детьми. Думаю, именно так должна воспитываться любовь к родной литературе и языку.

Перейдя от путевых впечатлений к научной статье, подчеркнем в заключение: лингвоиматологический анализ позволяет воссоздавать образ другого народа и страны в определенный период времени, поскольку из народного сознания ничего не уходит бесследно. Образ прошедших эпох может служить и предостережением, и основой для современной межкультурной коммуникации. Причем наблюдая чужую культуру, необходимо быть максимально толерантным и внимательным.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Россия XVIII столетия в изданиях Вольной русской типографии А.И. Герцена и П.П. Огарева. Записки княгини

Е.Р. Дашковой. Репринтное воспроизведение. Москва : Наука, 1990. 528 с.

2. Тер-Минасова С.Г. Война и мир языков и культур: вопросы теории и практики.... учеб.пособие. Москва : АСТ: Астрель : Хранитель. 2007. 286 с.

3. Тынянов Ю.Н. Смерть Вазир-Мухтара: Роман / послесл., примеч. Б.О. Костелянца. Київ, Дніпро, 1988. 464 с.

REFERENCES:

1. Rossiya XVIII stoletiya v izdaniyah Volnoy russkoy tipografii A. I. Gertsena i P. P. Ogareva. (1990). [Russia of the XVIIIth century in the editions of A. I. Herzen and P.P. Ogarev Free Russian Printing House]. Zapiski knyagini E.R. Dashkovoy. Reprintnoe vosproizvedenie. Moscow :Nauka.

2. Ter-Minasova, S. G. (2007). Voyna i mir yazykov i kultur: voprosy teorii i praktiki [War and peace of languages and cultures: theory and practice] ucheb.posobie. Moscow : AST:Astrel : Hranitel.

3. Tyinyanov, Yu. N. (1988). Smert Vazir-Muhtara [Death of Wazir-Mukhtar]. Poslesl., primech. B. O. Kostelyantsa. Kyiv, Dnipro.